

НА ЯЗЫКЕ РАЗНЫХ КУЛЬТУР: СЛОВО ПЕРЕВОДЧИКАМ

Роль языка в жизни человека и общества огромна, об этом свидетельствуют величайшие писатели, ученые, мыслители. Подобно языку, перевод является универсальным средством общения людей и взаимодействия культур. Переводы художественной литературы вносят существенный вклад в культурное наследие народа, и в этом процессе большое значение играет личность переводчика. Почему один перевод уступает другому, какими способами можно переводить фразеологизмы, с какими трудностями сталкиваются переводчики при работе с произведениями Чехова? Возможно ли точно передать мысли и стиль автора без ущерба для родного языка? В статье нет однозначного ответа, но она предоставляет богатый материал для размышления. Представленные примеры иллюстрируют работу переводчиков разных стран.

Наверное, в мире найдется очень немного людей, никогда не слыжавших о «Маленьком принце». Художественные и мультипликационные фильмы, театральные и балетные постановки, песни и клипы – тем или иным образом каждый человек мог познакомиться со знаменитой интерпретацией повести Антуана де Сент-Экзюпери. Произведение автора переведено на более чем 300 языков, по количеству переводов «Маленький принц» уступает только Библии.

Читатели повести на русском языке, безусловно, знакомы с классическим вариантом в изложении Норы Галь. Она была не только замечательным переводчиком с английского и французского языков, но и литературо-

ведом, редактором, человеком, обладающим культурой речи. Недаром в ее исполнении перевод считается классическим. С профессиональным подходом и необычайным трудолюбием она создала такой образ произведения, в котором совершенно не ощущается рука переводчика. Ее «Маленький принц» обрел вторую жизнь для русскоязычных ценителей повести.

Но возможно читателям встречался также и другой перевод текста: *«Когда закончил свое утреннее одевание, нужно тщательно одеть планету. Нужно принуждать себя регулярно вырывать баобабы, как только отличишь их от кустов розы»; «Я вскочил на ноги, как если бы меня ударила молния. Я хорошо протер свои глаза. Я посмотрел»; «Куда глаза глядят невозможно далеко уйти...»; «Я испытываю столько печали, рассказывая то, что я помню»; «Я колеблюсь также по поводу цвета его одежды. И тогда я иду на ощупь, то так, то так, то хорошо, то плохо»; «И однажды он посоветовал мне постараться, чтобы получился хороший рисунок, который заставит войти это в головы детей, живущих там же, где и я»; «Это было как плод проблемы, над которой он долго и молча размышлял» [1].*

Эти фразы принадлежат российскому писателю, поэту и переводчику Вадиму Николаеву. Спустя полвека он издал свой собственный вариант перевода французской повести-сказки. Вадим Николаев, по собственному признанию, попытался улучшить прежнюю работу, однако оценить этот прогресс сложно. Метод перевода «word in word» (слово в слово), о котором он говорит на страницах своего сайта, никак не оправдывает себя в художественных текстах. Вслед за Г. В. Тереховой, отметим: «Все или почти все наши ошибки происходят оттого, что мы хотели перевести английское слово русским словом, английскую фразу русской фразой, английское предложение русским. Нельзя изолированно переводить слова и переводить фразу за фразой, предложение за предложением, т.е. нельзя делать того, что называется буквальным переводом. Нельзя потому, что буквальный перевод – не перевод...» [2, с. 4].

Действительно, о буквализме говорилось еще в древности. Марк Тулий Цицерон (1 в. до н.э.), переводивший с древнегреческого на латинский язык, провозглашал принцип, согласно которому «переводить следует не слова, а мысли, не букву, а смысл, в соответствии с условиями и духом своего языка» [3, с. 7]. И если в устном переводе это может не иметь большого значения, то для письменного перевода точного смысла недостаточно.

Благодаря работе письменного переводчика во всем мире известны имена Уильяма Шекспира, Данте Алигьери, Александра Сергеевича Пушкина, Иоганна Вольфганга Гёте, Виктора Гюго и др. Литературное творчество других народов обогащалось благодаря трудам писателей и поэтов, признанных в своей культуре и переведенных на другие языки. «Процесс перевода “пересекает” не только границы языков, но и границы культур, а создаваемый в ходе этого процесса текст транспонируется не только в другую языковую систему, но и в систему другой культуры» [4, с. 14]. Художественные тексты играют огромную роль в межкультурном общении, ведь они хранят информацию об истории народа, национальном менталитете, духовном наследии, т.е. обо всех составляющих культуры.

В этом и заключается культурная ценность перевода, который «не только облегчает процесс взаимодействия людей друг с другом, он включается в обмен культурными ценностями – предметами, идеями, художественными образами и другими элементами культуры» [5].

Осознав серьезную роль переводчика в обогащении различных культур, сохранении и приумножении их ценностей, стоит заметить, что работа мастера художественного слова требует не только знания языков, но и широкого кругозора, кропотливого вчитывания, неустанного поиска точных слов и ассоциаций. И, конечно, не обойтись без переводческой интуиции, которая в нужный момент поможет подсказать верное решение. Одного знания языков часто оказывается недостаточно. Проиллюстрируем это примером из книги Э. А. Вартаньяна «Путешествие в слово» [6, с. 103–104].

Однажды в Москве провели эксперимент, в котором участвовали два десятка профессиональных переводчиков: преподавателей и студентов. Каждый из них хорошо владел двумя смежными языками. Получив текст, участник эксперимента переводил его на второй язык и отдавал следующему коллеге. Исходная фраза была на русском языке и звучала следующим образом: *Она сплетничала и ела вареные бураки по утрам и отлично хорошо ругалась – и при всех этих разнообразных занятиях лицо ее ни на минуту не изменяло своего выражения, что обыкновенно могут показывать одни только женщины* (Агафья Федосеевна из повести Н. В. Гоголя [7]).

Вслед за Э. А. Вартаньяном пронаблюдаем за трансформацией этого предложения. Из русского языка фраза перекочевала в английский (с несущественными изменениями), затем в немецкий (*сплетничала* превратилось в *трепалась*), после него в японский (*трепалась* стало *болтала*, а *ругалась* – *злословила*) и далее в арабский (*болтал* изменился на *болтал языком*, а *злословил* на *извергал страшные проклятия*). И вот первый этап был завершён французом следующим образом: ‘Она имела привычку чесать языком, когда ела свекольный бульон; из ее рта вылетал поток отборных словечек, и все это без малейшего выражения на лице. Так поступают все женщины’.

На втором этапе гоголевский отрывок прошел через индонезийский язык, в котором для местоимений *он* и *она* существует одно слово, затем голландский и турецкий языки, и в результате текст зазвучал по-новому: «В то время как женщина, поедая жидкое свекольное варево, отпускала ругательства, мужчина занимался болтовней. Они делали это, не выказывая своих чувств, как принято у женщин».

На следующем этапе перевод попадает в следующую череду языков: испанский (вместо *отпускала* стало *выбрасывала*), затем язык йоруба (*варево из свеклы* превратилось в *варево из плодов земли* и *занимался болтовней* стало *хвастал мнимыми подвигами*), и затем снова английский (*плоды земли* – *фрукты*, *выбрасывала ругательства* – *выбрасывала нехорошие штуки*, *хвастал мнимыми подвигами* было передано идиомой *бил в литавры*).

В очередной раз исследуемый отрывок попадает на язык африканского племени бамбара, затем на французский (*штуки* стали *вещами*) и на итальянский, после чего получается фраза: ‘Она пила компот и выбрасывала из дома ненужные вещи, а он бил в тамтам, выражая почти женский восторг’.

И наконец, фразу взял в оборот чешский язык (*ненужные вещи* стали *старьем*, *дом* – *хижиной*, *женский восторг* трансформировался в *восторженно*), норвежский (преобразовал *восторженно* в *радостно*) и шведский, после которого отрывок вернулся к языку-оригиналу и принял следующий вид: ‘Выпив компот, она выбросила из хижины старье, а он радостно забил в тамтам’.

Безусловно, вполне предсказуемый результат немало повеселил участников эксперимента. Уж слишком далеко ушел перевод от оригинала: из сорока слов гоголевской фразы на выходе осталось одно. Местоимение *она*.

Совершенно очевидно, что часть искажений была вызвана особенностями языка, другая часть – недостаточной переводческой компетентностью. Дело в том, что поиск эквивалентов в родном языке для фразеологизмов, пословиц и поговорок – вопрос неоднозначный. В своих работах по теории перевода К. И. Чуковский призывал различать разные виды изречений. Есть те, которые присутствуют в фольклоре многих народов мира, например: *Худой мир лучше доброй ссоры* или *Смеется тот, кто смеется последний*. Это универсальные поговорки, и поэтому сложностей для перевода не представляют. В ином случае – когда переводятся мысли, а не образы – стоит поискать эквивалент. Например, у Гейне *Ошпаренная кошка боится кипящего котла* может быть смело заменена на адекватную русскую пословицу: *Пуганая ворона и куста боится*. «Не появляется у немца образа кошки, – убеждал Чуковский, – как не возникает у русского образа вороны». Но есть и третий вариант, когда образы пословиц проступают очень ярко, очень сильно. Обращаясь к Ч. Диккенсу, К. И. Чуковский приводит такой пример: *Если тебе суждено быть повешенным за кражу ягненка, почему бы тебе не украсть и овцу?* Насколько оправдана замена пословицы *Двум смертям не бывать, а одной не миновать*, задавался вопросом серьезный литературный критик и делал вывод, что в этом переводе прежде яркие образы потерялись вместе с его юмористическим тоном, характерным для английского фольклора [8].

Еще раз убеждаемся в том, насколько непростая работа у переводчика художественной литературы! «Надо знать и понимать все творчество автора, место, которое тот занимает в литературе своей страны, время, когда он писал, время и события, о которых написана книга (особенно если это классика или книга историческая)... надо очень, очень много» [9, с. 182].

Как, например, переводить таких писателей, как А. П. Чехов? Над его рассказами работала Констанс Клара Гарнетт, английская переводчица русской литературы, современница Антона Павловича. Гарнетт переводила многих великих русских писателей – Николая Гоголя, Ивана Гончарова, Александра Пушкина, Ивана Тургенева, Александра Островского, и ей же принадлежат первые переводы книг Льва Толстого и Федора Достоевского. Но читая Чехова в переводе, понимаешь, сколько разных нюансов теряется на другом языке. Разве англоязычные читатели догадаются, кто такие *Otchumyelov*, *Hryukin*, *Yeldyerin*? Господа *Maddy* (Очумелов), *Slackker* (Елдырин) и *Gruntoff* (Хрюкин) наверняка сказали бы о себе гораздо больше. А как же быть с экспрессивной лексикой в произведениях этого русского писателя? Вспомним такие примеры:

- Ребята, не *пуцай* её! ('Lads, don't let him go!');
- Почему тут? *Это ты зачем палец?* ('What are you here for? Why are you waving your finger?');
- *Сними-ка*, Елдырин, с меня пальто... *Ужас как жарко!* ('Help me off with my coat, Yeldyrin... It's frightfully hot!');
- *Ишь ты, господи!* А я и не знал! ('Well, I never! And I didn't know!');
- *Собачонка ничего себе... цуцик этакий...* ('It's not a bad pup... a nice little pup.').

Переводить Чехова сложно не только англичанам. Взять, например, французский перевод «Лошадиной фамилии». По мнению Н. Г. Асосковой, эмоциональную экспрессивность героев не удалось передать в полной мере. И речь даже не о тех трудностях, которые лежат на поверхности: лексемные вариации фамилии (*Жеребцов*, *Жеребятников*, *Жеребчиков* и т.д.) и ее лексические изменения (*Кобылянский*, *Конявский*, *Копытин*, *Кобелев* и т.д.). Дело в том, что во французской речи есть свои особенности: этот язык богат сравнениями, метафорами, метонимическими переносами, но слова в нем в основном нейтральны. Как на французском языке передать неповторимый ироничный стиль, которым так славится А. П. Чехов? Ведь без этих оттенков вся соль языковой игры писателя теряется.

К аналогичным выводам приходит и М. В. Арошидзе, анализирующий грузинский перевод этого рассказа: «Язык сатирических рассказов Чехова очень сложен в силу своей пестроты: это и высокопарная, церковно-славянская лексика, соседствующая с фамильярной речью, с низким просторечием, и даже вульгарная и бранная лексика. И сатира Чехова совершенно уникальна: рассказанные им истории и смешат, и удивляют, и заставляют задуматься. “Трагикомичность” созданных образов очень трудна для передачи их средствами иного языка» [10, с. 69].

Как отмечал немецкий философ и лингвист В. фон Гумбольдт, всякий перевод – это попытка решить неразрешимую задачу: «либо он [переводчик] в ущерб традиционным пристрастиям и языку своей нации держится слишком близко оригинала, либо – напротив – приносит оригинал в жертву особенностям своего языка и национального вкуса. Благополучно миновать обе эти опасности не только трудно, но и невозможно» [11, с. 134–135].

Со времени зарождения теорий одного из крупнейших в мире лингвистов-теоретиков изменилось многое. По мере накопления опыта переводческой мысли меняются подходы к переводческой концепции, активно развивается наука о переводе, прокладывая дальнейший путь для совершенствования в этой области. И сегодня выручают нас посредники, мастера слова, у которых талант сочетается с огромной работоспособностью, а высочайшая ответственность с большой любовью к своему делу. Переводчик не просто доносит смысл, он соединяет разные эпохи, помогает понять особенности мировидения разных народов. В каждой культуре свои оттенки и свое звучание, люди по-разному воспринимают мир, по-разному выражают чувства: гнев и радость, обиду и прощение, любовь и ненависть, отчаяние и надежду. Даже время для всех течет по-разному...

«Маленькому принцу» в переводе Норы Галь 60 лет, ее книга многократно переиздавалась. И к каждому ее переизданию художница слова возвращалась к тексту, филигранно оттачивая нужную фразу. Некоторые люди рождаются с абсолютным музыкальным слухом. Про Нору Галь говорили, что у нее абсолютное чувство языка.

«О том, как огромна роль слова, роль языка в жизни человека и человечества, говорится не первый день и не первый век. Об этом говорили и писали величайшие мыслители, ученые, поэты. С этим как будто никто и не спорит. И все же на практике всем нам, кто работает со словом, ежедневно приходится чистоту его отстаивать и охранять. <...> Помни, слово требует обращения осторожного. Слово может стать живой водой, но может и обернуться сухим палым листом, пустой гремучей жестянкой, а то и ужалить гадюкой. И слово может стать чудом» [9, с. 18].

Благодаря чудесам, которые рождаются в произведениях переводчиков, мы оказываемся на мостике вне времени и пространства. Мы путешествуем между эпохами, разговариваем на языке разных культур и неизменно возвращаемся к себе – с новыми знаниями, мудростью, вдохновением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Интернет-библиотека Вадима Николаева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.vnicklibrary.wikia.com/wiki/Маленький_принц. – Дата доступа: 27.01.2019.
2. Терехова, Г. В. Теория и практика перевода : учеб. пособие / Г. В. Терехова. – Оренбург: ГОУ ОГУ, 2004. – 103 с.
3. Лебединский, С. И. Теория и практика перевода : пособие / С. И. Лебединский, В. В. Ревцкий, А. М. Забелло. – Минск : БГУ, 2001. – 159 с.
4. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 216 с.
5. Лінгвістика. Лінгвокультурологія : зб. наук. пр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvodnu.com.ua/archiv-nomeriv/lingvistika-lingvokulturologiya-2013-6/mesto-perevoda-v-mezhkulturnoj-kommunikacii>. – Дата доступа: 29.01.2019.
6. Вартамян, Э. А. Путешествие в слово / Э. А. Вартамян. – М. : Просвещение, 1982. – 122 с.
7. Гоголь, Н. В. Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем / Н. В. Гоголь // Проза. Статьи. – М., 1977. – С. 55–99.
8. Чуковский, К. И. Высокое искусство [Электронный ресурс] / К. И. Чуковский. – Режим доступа: <http://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/knigi/vysokoe/glava-ryataya-stil>. – Дата доступа: 29.01.2019
9. Галь, Нора. Слово живое и мертвое / Нора Галь. – М. : Время, 2016. – 592 с.
10. Кириленко, Г. Г. Краткий философский словарь / Г. Г. Кириленко, Е. В. Шевцов. – М. : АСТ, 2010. – 479 с.
11. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М., 1973. – 385 с.